

**Логическое утверждение и отрицание:
катафатическая эпистемология рационализма**

Григорий Л.Тулчинский, НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург
gtul@mail.ru

В формальной логике реализуется преимущественно установка на анализ объемных (экстенсивных, референциальных) отношений. Так, отношения несовместимости, тождества, пересечения, включения (рода и вида) понятий есть отношения между объемами понятий, то есть совокупностями сущностей, выступающих предметом мысли. Наглядно это изображается в «кругах Эйлера», используемых также для изображения отношений между множествами.

Такая установка на позитивное знание характерна методологии науки Нового времени, общей установке европейского рационализма, восходящего к синтезу иудео-христианского монотеизма и античной логики («встрече Иерусалима и Афин»). Идея, что мир сотворен единой волей по единому разумному замыслу, а человеку даны интеллектуальные средства постижения этого замысла, обеспечила переход от изолированного анализа и толкования священных текстов к осознанию возможности вопрошать саму природу, пытаться ее (неспроста возникновение науки, *scientia*, как опытного знания, и разгул Инквизиции, охота на ведьм – процессы одновременные). Далее – через деизм – отбрасывание «гипотезы Бога» и переход к деятельности не только познавательной, но и преобразовательной – со всеми вытекающими из этого грандиозными научно-техническими достижениями. Речь идет о разворачивании свойственной западному христианству катафатической установки на позитивность характеристик Божественной сущности, а, следовательно, и реальности. Без реализации этой установки невозможно никакое определенное знание, никакое рациональное и ответственное рассуждение.

Применительно к аппарату логического анализа катафатическая установка означает отказ от оперирования «отрицательными терминами» – предикатами, выражающими представления об «отрицательных свойствах». Так, в кругах Эйлера отрицания (дополнения) понятий не-А, не-В, не-С и т.д. оказываются в одной нерасчлененной области «не-...». Различия между такими «отрицательными терминами» различия отсутствуют, что порождает затруднения с некоторыми операциями традиционной логики, вроде обращения и противопоставления предикату простых суждений.

Эта же установка выражается в принципиальном разведении двух видов отрицания: связки и предиката. В первом случае речь идет о несуществовании: отрицание связки «есть» – «не есть» – означает отказ в экзистенциальном статусе. Во втором – результат дихотомического деления – дополнение понятия до универсума рассуждения (не-А – как все остальное в мире, что не является А). Для графического выражения идеи существования предмета, знание о котором выражено в субъекте суждения, потребовалось уточнение эйлеровых кругов Д.Венном, предложившим специальные значки для обозначения присутствия предмета в соответствующем поле. В диаграммах Льюиса Кэрролла и предложенном им логическом аппарате удалось найти наиболее полное для традиционной формальной логики решение проблемы отрицания. В Кэрроловской интерпретации отрицательный предикат «не-А» предстал обозначением столь же выделенной предметной области, наделенный таким же экзистенциальным статусом, что и «А».

Катафатическая ориентация закрепилась в логическом анализе, аппарате математической логики «Principia Mathematica» Б.Рассела и А.Уайтхеда, давшем толчок

развитию кванторной логики исчисления предикатов, и основанных на принципиальном предположении о непустоте предметной области. Так, согласно Б. Расселу, логика не может оперировать пустыми понятиями и терминами, а только знанием о реальных предметах. В ясной и лапидарной форме эта установка была выражена У. Куайном: «быть значит быть значением связанной переменной».

Попытки построить free logic – логические системы, «свободные» от экзистенциальных (онтологических) допущений, пик которых пришелся на конец 1970-х – начало 1980-х годов, вылились в рассмотрение существования в качестве предиката и последующее упражнение в логической технике. Бурное развитие модальной логики, анализа интенциональных и прочих неэкстенциональных контекстов, эпистемической логики, семантическое обоснование этих систем стали возможными на основе идеи описания состояний («возможных миров»). Но и в этом случае модальные операторы предстали кванторами нового уровня – квантификации уже не по предметам, а по «мирам» (описаниям). Алетическая модальность необходимости предстала как истинность во всех «мирах», а возможность – как истинность (выполнимость) хотя бы в одном мире. Фактически, экстенциональный подход был расширен на анализ интенциональных отношений, получивших сугубо объемно-формальную интерпретацию. Эта эволюция, ее ход, содержание представляют собой полное торжество катафатики и экстенционализма.

Попытки построить логику содержания, альтернативную традиционной формальной логике объемных отношений свелись к учету и рассмотрению историко-культурных, стилевых, психологических и персонологических факторов смыслообразования и осмысления (понимания и толкования), т.е. – к герменевтическим процедурам и технике. Это позволило расширить применение герменевтики с исключительно анализа текстов на знаковые системы в целом, а значит – и на аппарат научных теорий (С. Тулмин, М. Поляни, Р. Холтон). Проблемы позитивизма, сайентизма и «логоцентризма» выразились в том, что в динамике научного знания необходим учет широкого социально-культурного и персонологического контекстов его развития. Однако в анализе осмысленного знания, как знания определенного, в действие может идти только стандартный аппарат логического анализа, основанный на знании определенном, выраженном в понятиях, концептах, буквально – «ухваченном» в них.

Проведенное рассмотрение проясняет некоторые особенности российского дискурса, в котором часто отсутствует логическая связка, артикулированная в подавляющем большинстве европейских языков. Это порождает проблему выявления содержания суждения, выраженного в эллиптических, да и обычных высказываниях. Что является предикатом, а что субъектом суждения, в русском дискурсе зависит от логического ударения: субъект суждения может выражаться как подлежащим, так и сказуемым, а то и обстоятельством образа, времени и места действия. К этому можно добавить и уникальную смысловую тождественность утверждения и отрицания. За этим стоит апофатичность российского духовного опыта, свойственная восточному христианству. Стремление говорить «вообще» об универсальном, неопределенном, абсолютном ведет к перенасыщенности принципиальной неопределенностью. А из конъюнкции «А & не-А» (А и его дополнения до универсума) следует все, что угодно. Не случайно истории российской науки и техники свойственны открытия, прорывные откровения и озарения. Но этой истории типична и затрудненность, а то и просто невозможность реализации этих достижений, их продвижение на рынке, что предполагает несколько иное («катафатическое») – позитивное, конкретное и определенное отношение к реальности.